НА КОНКУРС

Борис КУРКИН

МАГНИТОГОРСК

Я сжал земли целительную горсть
и оглянулся теплыми глазами...
Какого слова ждешь,
Магнитогорск,
когда тебя не рассказать словами?
Не рассказать мартеновской
страды
и проходных, зовущих неумолчно,
куда вошел, ступил однажды ты
среди горячей тесноты рабочих.
Слова бессильны про любой накал,
когда над всей полуночной
Магниткой
качаются, сгорая, облака
и падают на солнечные слитки.
Есть город на земле —
Магнитогорск.
Его не в силах рассказать
словами...
Сожми земли целительную горсть
и глянь в долину теплыми
глазами.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

◆

Металл метался, заливаясь в ковш,
бросая искры огненные оземь,
лучист он был, как золотая рожь,
трудолюбиво скошенная в осень.

Зерно металла — доброе зерно.
Когда-нибудь он воплотится
в лемех.
Металл шумел громами озорно,
и жарко в нем отсвечивало время.

И клокотал расплавившийся жар...
Металл давался трудно
и жестоко,
потоком бурным дыбился металл,
истоком пашни, лемеха истоком.

И летка проходила бороздою...
И вот в преобразившейся руде,
в зерне тяжелом встало теплотою
литое отражение людей.

ПЕРВАЯ ПАЛАТКА

Первостроителям Магнитки
посвящается

Кто смел, кто решителен, молод,
к подножью Магнитной горы
пришли, чтоб построить
и выняньчить город.
И в дикой степи загорелись
костры!
И вырос на горном уральском
разломе,
наощупь тяжел, мешковат и груб,
первый палаточный белый домик,
белый, как первый молочный зуб.
Шили подмостки березовым тесом,
лютый мороз принимали на грудь.
Где буераки и где утесы,
шли в штыковую лопаты на грунт.
Мчалось время в солнце, в грозе,
город вырос, просторный и синий.
Унесли в трудовой музей
белую эту парусину.
Но веков перемелится дым,
и до нас долетит крылато —
в парус тугих человеческих спин
ветер костров и дыханье палаток.

◆

Мы шли и в голос думали о небе,
о кружеве и мгле высоких звезд...
Но вот беда: не оставалось хлеба,
и грузовик попутный не подвез.
А в темноте уже заснули села, —
видать, не до космических
страстей.
Ни огонька в тумане невеселом,
ни голоса, ни теплоты людей.
Мы шли бессонно, ничего
не ждали...
Но вспыхнуло, прервав лучистый
бег,
окошко, согревающее дали.
И наши мысли сбились на ночлег.
Хозяйка с теплой кринкой
на пороге...
Я пил взахлеб, до сухости в руке.
Светили звезды над моей дорогой,
и Млечный путь кружился
в молоке.

◆

Отхлынула размашистая ночь.
Ты собиралась, тронув полушалок.
Ты отвернулась отрешенно прочь,
проталину в оконце продышала...
И вдруг ушла.
Но ярок небосвод.
Зажегся луч, бесцветный
и морозный,
скользнул ко мне в проталину —
и вот
рассыпался на синий
и на розовый.
Пусть ты ушла.
Ушла, но все одно —
Я мир увидел новым.
И не поздно
ты продышала талое пятно
в моем окне, бесцветном
и морозном.

◆

Звездный лучик в комнате...
До неба ли?
Заблудился в пасмурной тени,
отсветился на стекле, на мебели,
и глаза не озарил твои.
Мы с тобою временем развенчаны.
Знать, друг дружке мы не по
плечу...
Тяжело, когда в избе бревенчатой
нету места звездному лучу.

◆

Лететь, лететь,
оставив где-то села!..
Дорога бесконечная, — зови!
Вприпрыжку деревенский
грузовик
несет меня по ковылям веселым.
Через ухабы, вставшие стеной,
лететь — и точка!
Яростно и стыло
лететь, да так, чтоб за твоей
спиной
размах просторов голубел,
как крылья.

Сегодня мы предлагаем на конкурс стихи Бориса Куркина — бывшего лекальщика метизно-металлургического завода, ныне — журналиста. Он пишет о ставшей для него родной Магнитке, об Урале, о любви.

В литстранице участвуют также машинист тепловоза Михаил Филатов, журналист Юрий Казанцев и поэтесса Нина Кондратковская.

Михаил ФИЛАТОВ

СТАЛЕВАРАМ

В предгорьях седого Урала,
где ветры легенды поют,
раскинулся город огня и металла,
рабочей Магниткой зовут.

Здесь в небе багряном пылают
зарницы,
в мартенах — клокочет прибой,
здесь каждый рабочий может
гордиться
славой своей трудовой.

От первой палатки, что символом
стала,
до каменных белых дворцов,
в дыхании домен и тоннах
металла
связуется память отцов.
Залитые солнцем сады
и бульвары,
за синей рекою — завод...
И славу Отчизне куют
сталевары —
прекрасный рабочий народ!

Юрий КАЗАНЦЕВ

ИДЕТ ОДИН СЛОН С КОЛОКОЛЬЧИКОМ...

На автобусной остановке стоял старик с окладистой бородой в кителе военного образца, на котором мерцали орденские планки. За руку он держал мальчика лет четырех в коротких штанишках, в матроске и бескозырке «Герой». Подкатил автобус. Старик, взяв на руки мальчугана, зашел в салон, сел на свободное место, пристроив внука на колено. «Герой» тут же, изогнувшись к окну, обратился к старику с вопросом: «Деда, а, деда, что это такое?»

— Речка.

— Нет! Вот это?

— Где? А, это столбы.

— Ну, нет же... Вот это, — мальчик застучал кулачком по стеклу.

— Это — стекло.

— А вот это что? А это?...

Вопросы сыпались как из рога изобилия. Дед с укоризной смотрел на маленького мучителя и покорно объяснял, что это тетя, а на тете бусы. Куда едет тетя? Наверное, домой. Зачем? Ну, я этого не знаю...

— Слушай, Сашок, — вдруг обратился дед к внуку. — Давай считать слонов?

— Каких? Индийских?

— Индийских.

— С колокольчиками?

— Можно и с ними.

— Давай.

— Только одно условие: пока я считаю, ты не открывай глаза. Иначе ничего не будет: ни слонов, ни колокольчиков.

— Давай!

Саша поудобнее устраивается на коленях деда и закрывает глаза.

— Идет один слон с колокольчиком, идет второй слон с колокольчиком, идет третий слон с колокольчиком, — глухо забубнил дед, хитро посматривая на внука.

После «десятого слона с колокольчиком», мальчик стал покачиваться — он засыпал.

— Идет пятнадцатый слон с колокольчиком...

Голова внука склонилась на грудь деда...

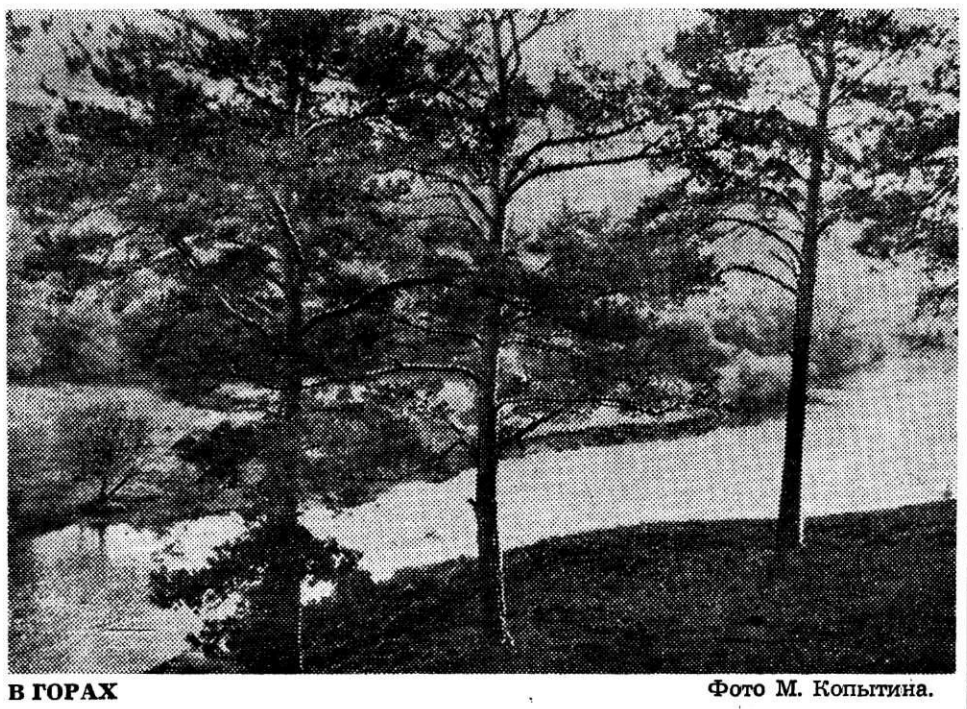
Голос старика становился все слабее и слабее, и после «тридцать пятого слона с колокольчиком» старик замолчал.

Через несколько минут он почувствовал, как маленькая рука теребит его за ухо.

— Деда! Ну, деда, проснись: где слоны?

Ю. КАЗАНЦЕВ.

ОКНО В ПРИРОДУ



В ГОРАХ Фото М. Копытина.

Нина КОНДРАТКОВСКАЯ

О РОДИНЕ

Щербатый ствол откинул ветки
в изломах черной наготы,
дороги серые разметки,
и кучей веников — кусты,
и лебеды сухая пакля,
и снег, воронами строчен...
И тут поэзией не пахло б,
и даже проза не при чем,
когда бы лоскут неприметный,
что белы снеги замели,
не был бы краешком заветной
моей натруженной земли,
когда б не чувствовала я,
Что это — Родина моя.